

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

© 1992 г., ЭО, № 6

СОВЕЩАНИЕ ПО ПОДГОТОВКЕ МНОГОТОМНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ СЕРИИ (ОТ «НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»— К «НАРОДАМ И КУЛЬТУРАМ»)

11—13 февраля 1992 г. в Ростове Великом (Ярославская обл.) состоялось совещание по подготовке многотомной этнографической серии*, в работе которого приняли участие около 60 авторов и координаторов томов предстоящей серии. В программе совещания основными были следующие вопросы: 1) о наименовании серии, 2) о состоянии ее подготовки, 3) о проблемах описания народов в советский период. Кроме того, по общетеоретическим проблемам предюлагалось заслушать доклады директора Ин-та этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова (Москва) и чл.-кор. РАН С. А. Арутюнова (Москва). Как отмечали участники совещания, сложная политическая обстановка, в условиях которой приходится писать настоящую серию, не уменьшает, а напротив — увеличивает потребность народов в этнографических знаниях, при этом многократно повышается ответственность ученых-этнографов за любое опубликованное слово. Написание многотомного труда о народах, задуманного в конце 80-х годов, сохраняет свою актуальность в наши дни.

Ю. Б. Симченко и А. И. Кузнецов (Москва, Ин-т этнологии и антропологии РАН, Координационно-методический центр по подготовке серии) проинформировали о проделанной работе и о состоянии подготовки к изданию томов серии: получены от авторов и готовы к передаче в издательство «Мысль» тома «Белорусы», «Украинцы», к концу года будет готов том «Русские». Они рассказали также о предварительных изданиях по различным народам, публикующихся под названием «Материалы к серии». Цель этих публикаций — восполнить имеющиеся в этнографической науке пробелы о различных народах, а также обнародовать ряд источников по их истории и демографии, до настоящего времени не введенных в научный оборот. В «Материалах» публикуются не только работы профессиональных этнографов и историков, интерес представляют и воззрения народа на свое происхождение, историю, понимание обрядов и обычаев. Отдельные выпуски (каждый объемом от 8 до 15 а. л.) «Материалов к серии» посвящены истории и этнографии ассирийцев (6 книг), хакасам, удмуртам, происхождению народов уральской языковой семьи, таджикам (2 книги). Опубликованы архивные документы: «Перепись 1939 года. Документальные источники Центрального государственного архива народного хозяйства СССР» (15 книг); «Цензы 1945—1951 гг.» (4 книги)**; «Депортации народов СССР (1930-е — 1950-е годы)». Готовятся к изданию следующие выпуски: «Русские» (2 книги); «Украинцы»; «Обские угры (ханты и манси)»; «Тунгусоязычные народы» (3 книги); «Карачи»; «Саха (якуты)»; «Цыгане»; «Антропологические исследования» (2 книги); «Национальная политика в России (до 1917 г.)».

Затем координаторы томов рассказали о выполненной авторами работе по написанию разделов и томов, посвященных молдаванам, гагаузам, абхазо-адыгским и другим народам Северного Кавказа и Дагестана, финноязычным народам, народам Западной и Северо-Восточной Азии, тюркоязычным народам Сибири, тунгусоязычным народам, народам Средней Азии.

Оживленную дискуссию вызвал вопрос о наименовании серии. О том, что серию нужно переименовывать, участники совещания высказались единодушно. Необходимость в этом очевидна. И не только

* Ранее информация о данной серии публиковалась в журнале «Сов. этнография». 1990. № 2; 1991. № 2 (автор — Л. И. Миссонова).

** В «Цензах» публикуются не издававшиеся ранее архивные материалы с грифами «секретно» и «совершенно секретно», содержащие оперативные сведения ЦСУ Госплана СССР о численности населения на 1 января 1945 г., а также сведения о числе избирателей при выборах в Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик, в местные Советы и при выборах народных судов за 1946—1951 гг. Названные документы уникальны тем, что могут быть использованы как своего рода перепись населения.

потому, что не существует ныне Советского Союза, а скорее потому, что данная серия задумана изначально этнографической, а не исторической и тем более не политической (историко-политической). А это означает, что в серии должна быть отражена этническая культура и этногенез, т. е. этническая история — история сложения народов, а не государств, в которых народы живут. Поэтому название серии не должно содержать в себе названия какого-либо государства или государств. Цель серии — помочь различным народам узнать друг о друге — этнологи должны внести свой вклад в создание культуры межнационального общения — это наш профессиональный долг. А для этого, как подчеркнул В. А. Тишков, необходимо и в дальнейшем привлекать к участию в написании серии специалистов (и не обязательно из республик, ранее входивших в состав СССР) как можно большего числа народов. Серия должна быть открытой. Исследования этнографов не могут быть связаны рамками государственных границ. Можно увеличить ранее оговоренное число томов серии (равно как и сократить).

Были предложены такие названия серии: «Народы и культуры», «Народы мира» (В. А. Тишков, А. И. Кузнецов, поддержали — М. А. Меретуков (Майкоп), С. С. Курогло (Кишинев), А. А. Сусоколов (Москва), З. П. Соколова (Москва), М. Г. Туров (Иркутск), Т. Г. Михайлов (Улан-Удэ)); «Народы Евразии» (В. А. Тишков, А. И. Кузнецов); «Народы Восточной Европы, Северной и Средней Азии» (П. А. Томилов (Омск), В. В. Пименов (Москва)); «Народы России и сопредельных стран» (В. В. Пименов); «Россия и ее соседи» (В. П. Башилов (Москва)); «Народы нашего Отечества» (С. А. Арутюнов — «Отечество» в том смысле, в каком, например, Латинская Америка является единым отечеством для всех народов Латинской Америки); «Народы Российской империи и СССР» (И. Ю. Заринов (Москва)).

Выступая против сохранения в названии серии упоминания каких-либо стран, географических регионов и т. п., А. И. Кузнецов напомнил, что еще на Первом совещании было приложено немало сил, чтобы убедить описывать в серии народ, все его части, живущие в разных странах и на разных континентах, народ в целом, а не население республик Союза. Сохраняя этот подход описания народа вне зависимости от занимаемой им территории, предпочтение надо отдать таким названиям как «Народы и культуры» и «Народы мира». Эти названия делают серию открытой, она может включать в себя описания народов не только бывшего Союза, но и Зарубежной Европы, Азии и Америки, т. е. описание народов мира. В то же время указание географических или политических границ делает серию закрытой. Название же «Народы и культуры» или «Народы мира», заметил А. И. Кузнецов, позволяет участвовать в серии авторам любой страны вне зависимости от конъюнктурных политических соображений.

Большее внимание присутствующих привлекли названия «Народы и культуры» и «Народы мира». Чтобы не путать с уже существующей серией «Народы мира», В. А. Тишков предложил остановиться на названии «Народы и культуры» (что по сути равнозначно названию «Народы мира»), которое и было принято. Было решено, что в серии будет описано такое количество народов, какое позволит научный потенциал авторов. Серия не будет ограничена территорией бывшего Союза. В. А. Тишков подтвердил реальность Координационно-методического центра (КМЦ) и в дальнейшем устанавливать связи с конкретными учеными, а не с учреждениями при написании серии.

Далее на совещании обсуждались проблемы, связанные с организацией издательства томов. На вопросы отвечали директор издательства «Мысль» В. М. Володагин (Москва) и его заместитель Е. А. Тимофеев (Москва). Было отмечено, что подписка должна быть объявлена на всю серию, а не на каждый том отдельно, минимальный тираж — 50 тыс. экз. 25% объема каждого тома должны занимать иллюстрации. В. А. Тишков отметил, что в качестве иллюстративного материала в серии необходимо использовать архивные документы, а не только современные материалы и музейные экспозиции. С. С. Курогло поднял вопрос о возможности дополнительного тиража для продажи в розницу по отдельным народам, о которых ранее писали мало. Представители издательства предложили решать подобные вопросы конкретно по каждому тому.

Обсуждение проблем описания народов в советский период закономерно вылилось в вопрос об объективности подачи материала вообще. Говоря о проблемах описания народов в серии, В. А. Тишков призвал ученых разграничивать политику и науку, не увлекаться политизацией древности, поиском «корней». В. В. Пименов отметил необходимость многосторонней трактовки этнической истории народов до революции: так, русские были крепостными, в то время как другие народы, например чуваш, облагались лишь небольшим ясаком. А. И. Кузнецов обратил внимание на то, что описание народов, в том числе и политика царской России по отношению к народам присоединяемых территорий, не должна носить аксиологического характера. Пельза с позиций сегодняшнего дня оценивать события XVII — первой половины XX в. Моральные критерии нашего

времени не применимы к событиям прошлого. Нежелательно в томах серии бездоказательно употреблять ленинское выражение «Россия — тюрьма народов». Тюрьмой народов стало государство, созданное Лениным, и это доказывать не надо — мы все вышли из этой тюрьмы. Необходимо также отметить, что излагать историю, в том числе и национальную политику государства, нужно только в той мере, в какой она оказала влияние на культуру в широком смысле, язык и самосознание народов. В. В. Карлов (Москва) поддержал мысль А. И. Кузнецова о том, что нельзя оценивать действия наших предков с позиций сегодняшнего дня, отметил универсальность предстоящего издания. Ю. Б. Симченко, продолжив мысль о необходимости многостороннего показа истории, остановился на политике Александра I, который был против распространения христианства среди инородцев; что касается ясака, как отметил Ю. Б. Симченко, то в случае неуплаты инородцы не получали металл, хлеб и пр. Все выступавшие подчеркивали острую необходимость пересмотреть стереотипы изложения исторических фактов, установившиеся в советский период. З. П. Соколова отметила, что ученый должен исходить в своих выводах из материала, нельзя видеть только плохое или только хорошее. Она рассказала о том, что на Крайнем Севере формирование этнического самосознания шло вместе с разработкой письменности и созданием национальных округов, большую роль в этом процессе играла местная интеллигенция. С. С. Курогло напомнил участникам совещания о существовании международных правовых документов, о которых не стоит забывать при описании народов, при использовании этнической терминологии. Р. Х. Керейтов (Черкесск) сказал, что народу очень трудно быть вне политики, поэтому этнографам надо быть ближе к народу, его проблемам: необходимо показать и положительные, и отрицательные моменты присоединения, например, народов Кавказа к России. Ногайцы, некогда имевшие государство — Ногайскую орду, ныне не имеют даже национального района. В Карачаево-Черкессии, автономии которой ногайцы приветствовали в 1992 г., они не были включены в область как субъект. На обширной территории Ногайской степи был создан Кизлярский национальный округ (ногайский) — его передавали то Дагестану, то Ставропольскому краю, то Грозненской обл., а в 1957 г. вообще упразднили. Ныне ногайцы этого региона хотят создать свою республику в составе Российской Федерации. Но это трудно, ибо властные структуры Дагестана, Чечено-Ингушетии, Ставропольского края ни за что не отдадут богатые земли. Выход, по мнению выступавшего, может быть такой: не перекраивая границ, зачислить ногайцев в число «малых народов». Тогда они, будучи в составе и Дагестана, и Чечено-Ингушетии, и Карачаево-Черкессии, и Ставропольского края, и Астраханской области, имели бы право создать автономную область или национальный район, или национальный сельский совет.

П. А. Томилов, говоря об этнической истории Западной Сибири, сообщил, что отдельные ученые пытаются ее фальсифицировать, представив дело таким образом, что значительная часть этой территории как бы была казахстанской и соответственно этому Ермак был и завоевателем Казахстана. П. А. Томилов призвал осторожно относиться к таким утверждениям, опираться в изучении проблем этнической истории на строго выверенные факты. Кроме того, он остановился на вопросе о необходимости перепроверить численность народов Сибири и восточных районов Восточной Европы в XVII — середине XVIII в. Он указал, что коэффициенты 4 и 5, выведенные Б. О. Долгих для расчета численности народов Сибири по материалам ясачных книг, действуют лишь тогда, когда речь идет о данных по плательщикам ясака, включающих всех мужчин трудоспособного возраста. Но нередко плательщиками ясака были не только главы семей, но и небольших родовых и генеалогических групп, и тогда за каждым плательщиком могли стоять 20—30 человек и коэффициенты перевода должны соответственно возрасти.

Омскими учеными, сказал П. А. Томилов, сделаны новые расчеты численности сибирских татар, чулымских тюрков. Необходимо провести такую работу и по другим народам Сибири.

Информируя о работе над томом, посвященном тюркским народам Сибири, П. А. Томилов сообщил о выделении раздела по телеутам (а не включении данных о них в раздел об алтайцах) и выразил сожаление о том, что так и не удалось организовать написание самостоятельного раздела о чулымских тюрках, в связи с чем сведения о них помещены в разделах о сибирских татарах и хакасах, поскольку этническая история их связана в первую очередь с этими этносами.

В. П. Басилов (Москва) для того, чтобы временная разница в характеристике культуры была ощутимой, предложил делить текст о любом народе на две части: первая — дореволюционный период и вторая — послереволюционный. В обоих периодах лучше обращать внимание читателя на события, положившие начало тем или иным новшествам в культуре народа. Так, у многих народов коллективизация привела к быстрому исчезновению обширного пласта обычаев и поверий, связанных с сельским хозяйством. В довоенный период мужской костюм в Средней Азии приобрел полувоенный

покрой: китель и брюки-галифе и т. д. Возражение, что в дореволюционной и послереволюционной частях возможны повторы, легко отклоняется. Это уже вопрос чисто литературного распределения материала. Так, описывая свадьбу, в дореволюционной части можно опустить какой-то раздел церемониала, чтобы дать его описание в послереволюционной части, упомянув, что так было и сто, и больше лет назад. Отмечая преимущество такого способа изложения материала, В. Н. Басилов согласился с тем, что разные приемы имеют одинаковое право на существование.

Выступая по проблемам описания народов в советский период, Н. Ф. Мокшин (Саранск) отметил, что тезис о полной завершенности этнической консолидации мордовского народа, провозглашенный впервые в 1950-х годах, создавал видимость благополучия в данной области народной жизни, сковывал изучение современных этнических процессов у мордвы.

В первые годы после Октябрьской революции в ряде документов говорилось не о мордовском народе, а о народах мордвы. «Обращение к народам мордвы» было принято в 1921 г. в Самаре I Всероссийским съездом коммунистов мордвы. Но в последующем тенденция эта ослабела, выражение «народы мордвы» перестало употребляться, становятся обычными выражения «мордовская народность», «мордовский народ», «мордовская национальность», «мордовская нация», которые используются как синонимы. В настоящее время стали выдвигаться лозунги именовать республику не Мордовской, а Мокша-Эрзянской или Эрзя-Мокшанской или разделить на две республики (Эрзянскую и Мокшанскую).

Аналогичные устремления имеют место и в среде некоторых других народов: такие субэтносы татар, как тейтяри и мишари, пытаются представить в качестве отдельных этносов; другой пример — попытка рассматривать латышцев не как субэтнос латышей, а в качестве самостоятельного этноса. Более того, даже ставится вопрос о том, чтобы чуть ли не каждое групповое самоназвание этнического характера рассматривать в качестве свидетельства существования самостоятельного этноса. При таком подходе число самостоятельных народов России может дойти до нескольких сот. Вместе с тем некоторые коррективы в перечень народов, возможно, придется вносить, если те или иные субэтносы начнут серьезно требовать, в том числе через разные формы массовых национальных движений, статуса самостоятельных этносов (народов). Если такое случится с мордвой, то она будет расколота не на два, а на три народа — эрзя, мокшу и мордву, ибо есть несколько тысяч людей, которые считают себя мордвой, но не знают, кто они — эрзя или мокша.

В многочисленных описаниях народов бывшего СССР внимание читателя обычно акцентировалось на достижениях, успехах, расцвете. Что касается дореволюционного прошлого этих народов, то оно рисовалось в черных тонах. Невозможно согласиться (на примере мордвы), продолжал И. Ф. Мокшин, с широко декларируемым мнением о том, что многие народы царской России находились в состоянии вымирания, исчезновения. Проведенный им анализ материалов всеобщей переписи населения России 1897 г. и некоторых других источников свидетельствует о том, что, несмотря на ряд негативных факторов, замедлявших воспроизводство, например, мордвы, в целом ее численность росла. Предсказания ряда дореволюционных авторов о ее скорой русификации оказались ошибочными. Нельзя, конечно, полностью отрицать определенные ассимилятивные явления как результат длительного и многостороннего процесса мордовско-русского, чувашско-русского, марийско-русского, удмуртско-русского и т. д. общения, обусловленного всем ходом социально-экономического развития России. Они имели и имеют место в действительности и являются, по мнению И. Ф. Мокшина, обоюдными, хотя вопрос об ассимиляции русских мордвой, чувашами, марийцами, удмуртами и другими этносами не нашел еще достаточного освещения.

С. А. Арутюнов указал на искусственность деления единого адыгского народа на адыгейцев, черкесов и кабардинцев, порожденного паспортным режимом в советское время. В Дагестане, отметил Арутюнов, в состав аварцев включают много других народов — надо оговорить особо проблемы их соотношения с собственно аварцами, если не описывать их как самостоятельные народы.

В. В. Пименов остановился на периодизации послереволюционного этапа, крайне насыщенного событиями. Существующие периодизации, по мнению докладчика, не всегда отражали объективную реальность, не учитывали этнокультурные, этнобытовые и другие этнические процессы. Для каждого народа необходимо выделить свои существенные периоды этнической истории. Так, для калмыков надо особо остановиться на периоде депортации. Каждый регион надо рассматривать отдельно. Далее В. В. Пименов предложил следующую периодизацию для Урало-Поволжского региона: 1) 1917—1928(31) гг. — время военного коммунизма, начала нэпа, коллективизации и индустриализации; 2) 1928(31) — 1941 гг. — усиление этнических связей; 3) годы Великой Отечественной войны; 4) 1945 г. — середина 1960-х годов — перевооружение промышленности, внедрение технических систем, процесс активной урбанизации, создание и «пересоздание» письменности у различных этносов;

5) середина 1960-х — середина 1980-х годов, т. е. время до начала перестройки М. С. Горбачева; 6) последние 5—6 лет необходимо рассматривать отдельно.

З. П. Соколова высказала мысль о невозможности универсального освещения истории народов для всех томов. Так, писать этническую историю народов Сибири в советский период отдельно по каждому этносу бессмысленно, так как будет много повторов. Далее З. П. Соколова обратила внимание присутствующих на соотношение использования исторического и этнографического материала в данной серии: в серии «Народы мира» совершенно отсутствует этнографический материал в исторических очерках — данная же серия должна быть этнографической, необходимо помочь в создании культуры межнационального общения, рассказать о национальном характере, особенностях символики и этикета различных этносов, сегодня стало невозможным общение людей без подобных знаний. По мнению докладчика, именно этнографы могут объяснить корни зарождения национального этикета и формы его проявления сегодня.

С. А. Арутюнов сказал о том, что отдельные исторические события должны описываться не сами по себе, а только как факт влияния на историю этноса, его самосознание. Необходимо широко разработать тему национального, культурного общения. С. А. Арутюнов отметил, что хотя в современной городской культуре нет явных предписаний по пространственному распределению, нормам поведения, этикету, но в голове человека такие представления остаются, люди следуют им, часто не задумываясь; можно выделить отдельные теоретические проблемы, которые разработаны на материале отдельных народов, например символику цвета и числа на материале монголоидных народов. Поддерживая это мнение, В. А. Тишков в сказал, что в данной серии мы будем писать не историю народов, а о народах и культурах, поэтому историзм надо проследить, рассматривая отдельные этнографические стороны. Большое внимание, по словам Тишкова, должно быть уделено разделам о духовных ценностях, семейных обычаях, антропологии пола. Необходимо выделять такие исторические события, которые перевернули судьбу народа. Структура томов может существенно отличаться. Данная серия должна стать верхом индивидуального мастерства и ответственности ученых. Во имя унификации, как отметил В. А. Тишков, создавались многие исторические серии, которые сейчас не представляют большой ценности. Данное издание должно быть уникальным — пусть будет многообразным изложение этнографического материала, в противном случае может получиться просто справочник. Пусть будут отражены полярные взгляды на советский период. Деформации, происходящие в обществе, уже стали частью культуры наших народов, не исключено, что в будущем их будут рассматривать как традиции. В оценке этнической истории не должна ставиться точка, наоборот, серия должна послужить толчком к дальнейшим исследованиям.

Согласно программе совещания, далее выступил С. А. Арутюнов с докладом «Задачи освещения этногенеза и этнической истории на современном этапе». Он заметил, что сегодня, к сожалению, как и много десятилетий назад, тенденциозное истолкование данных по этногенезу и этнической истории народов служит для обоснования конъюнктурных политических позиций, притязаний на суверенитет, требований привилегий, территориальных претензий, обращающихся кровопролитными конфликтами. Долг честных ученых — разоблачать несправедливость использования аргументов этнической истории в политических спорах. Права личности выше прав общности, и каждый человек имеет право жить и пользоваться всеми благами жизни по крайней мере там, где он родился. С другой стороны, понятие исконной этнической территории — не пустой звук; в культуру этноса неотъемлемым компонентом входит привязанность к территории, осознаваемой как своя этническая родина или прародина, к ее отдельным элементам (горы, реки, города), и обычно это именно та территория, где происходил этногенез данного этноса.

Важную роль в изучении этногенеза имеет выделение основного и дополнительных, т. е. субстратных, суперстратных, адстратных компонентов.

На нынешнем уровне развития нашей науки уже недостаточно ставить задачу характеристики этногенеза отдельно взятого этноса и его отдельных компонентов. В этногенезе балкарцев, кабардинцев, осетин повсюду можно найти и в языке, и в культуре и древние северокавказские, и южно-кавказские, и различные тюркские, и алаано-иранские, и многие другие компоненты. Можно будет определить относительное время их появления, относительную значимость их в этногенезе именно данного народа. И все же подобная работа, сделанная в отношении каждого из них, еще не дает общей картины взаимосвязей этих параллельных и сопряженных этногенезов. Для получения этой картины необходимо уяснить общие многовековые тенденции и направления этногенетического процесса на Кавказе.

Тенденции эти, по мнению докладчика, рисуются следующим образом. Сегодня, когда успехами

отечественной лингвистики эффективно реконструируются макрофилы (или стволы) трансконтинентального масштаба, такие, как ностратическая и сино-кавказская, и выясняется, что картвельские и северокавказские языки при всем обилии благоприобретенных сходжений не только не могут быть сближены генетически, но и попадают в разные макрофилы, совершенно отчетливо вырисовывается древнее языковое состояние Кавказа и сопредельных с ним более южных районов как полностью занятое различными ответвлениями протосеверокавказского языка. К этим ответвлениям относились как языки, предковые по отношению к современным абхазо-адыгским в западной части Северного Кавказа и Закавказья, и предковые для нахско-дагестанских языков (в Центральном Кавказе, Дагестане и Восточном Закавказье), так и родственные первым — хаттский в Малой Азии и вторым — урарто-хуррийские в Северном Иране, Армянском нагорье и Северной Месопотамии.

Такая картина, видимо, была характерна для III—II тыс. до н. э. Однако не позднее начала I тыс. до н. э. повсюду на Кавказе, кроме наиболее высокогорных его частей, начался процесс, который можно назвать ностратизацией или просто индоевропеизацией кавказских народов. Термин этот условен, так как картвельские языки не относятся к индоевропейским, но учитывая, что они тем не менее достаточно близки к ним и генетически, и по словарным сближениям, и в ряде аспектов структуры, условно его можно применять.

Строго говоря, сказал С. А. Арутюнов, индоевропеизация кавказских народов началась задолго до I тыс. до н. э. и за пределами самого Кавказа — она проявилась в смене хаттского языка хеттско-неситским, в смене хурритов мидянами в Северном Иране. На территории самого Кавказа картвельским компонентом поглощается абхазо-адыгский субстрат в большей части Западной Грузии и нахско-дагестанский субстрат в большей части Восточной Грузии. В центральной и восточной частях Закавказья относительно кратковременное воздействие киммерийцев и скифов сменяется стабильным процессом арменизации местного населения в Куро-араксском междуречье и его иранизации в прикаспийских областях (формирование современных татов и талышей является последним отголоском этого процесса). На Северном Кавказе основным фактором этнических процессов становится все возрастающее алаанское воздействие.

Однако поступательное развитие этих ассимиляционно-интеграционных процессов было прервано новым мощнейшим этнообразовательным фактором, а именно тюркизацией. Не только останавливая, но в ряде случаев пресекая и поворачивая вспять шедшую до этого аланизацию, иранизацию, отчасти и арменизацию, тюркский фактор приводит к формированию таких этносов, как азербайджанцы, кумыки, балкарцы, карачаевцы, а языки этих народов нередко становятся лингва франка на больших пространствах Кавказа. Как побочный результат воздействия этих факторов кое-где, особенно в абхазо-адыгском ареале, наблюдается возрождение значимости и обратная территориальная экспансия исконных северокавказских языков и этничности.

Таков, по убеждению выступающего, общий фон этногенетических процессов, шедших в течение нескольких тысячелетий в рамках Кавказской историко-культурной области, и этногенез каждого отдельно взятого ее народа может быть правильно понят и описан лишь в рамках этого общего фона.

Иной подход, подчеркнул С. А. Арутюнов, чему мы постоянно, увы, являемся свидетелями, ведет к неизбежным искажениям. Адстратный компонент принимают за основной, роль одного компонента неоправданно гипертрофируется, роль другого столь же неоправданно занижается или вовсе отрицается. Все это делается не просто так, а осознанно или неосознанно в угоду политизированной конъюнктуре и близорукому этноэгоцентризму.

Аналогичные общие региональные этногенетические концепции можно и нужно постронть, сказал С. А. Арутюнов, если не для любой, то для многих историко-культурных областей, в частности Поволжья, Приуралья, различных частей Сибири. Это не снимает опасности возникновения новых политизированных псевдонаучных этногенетических построений, но по крайней мере позволит противопоставить им концепцию научной объективности.

В. М. Сироткин (Киев) поддерживая мысль С. А. Арутюнова о том, что в данной работе следует исходить из приоритетности прав человека (личности) над правами этноса, отметил, что в реальной жизни этого не всегда удастся достигнуть. На недавнем Международном конгрессе украинцев в Кисе, рассказал В. М. Сироткин, указанный принцип был назван одним из мифов советской великодержавной политики. Эта проблема неизбежно возникнет и в нашей серии, например, в освещении вопроса этногенеза, этнической истории трех восточно-славянских народов. На поверхности всплыли, во всяком случае на Украине, старые теории, не оставляющие места русскому этносу в Киевской Руси, согласно которым связи ее с северовосточными землями Древней Руси были всего лишь династические и т. п. В связи с этим поднимается уже вопрос о возвращении Украине ее

национальных ценностей, например икон «Владимирской Богородицы», увезенной из разрушенного владими́ро-сузда́льским князем Андреем Боголюбским в 1169 г. Киева; встает вопрос и о скифском золоте Эрмитажа.

Известно, продолжал В. М. Сироткин, что на Украине проживает 11 млн. русских, а — 7 млн. украинцев в России. Какую историю своего этноса они будут иметь теперь на территориях разных государств? Кто ее напишет и как ее подадут, не затрагивая национальные чувства украинца или русского и не обостряя взаимоотношения между ними? Представляется необходимым, отметил выступающий, проведение рабочего совещания авторов соответствующих томов серии, чтобы выработать общий приемлемый подход.

Много проблем появляется и при совещании позднейшей этнической истории народов, входящих в состав России. Очевидно, сказал В. М. Сироткин, что нельзя в нашей работе допускать ныне «модных», но упрощенных и эмоциональных оценок России как только «империи зла». Не отрицая фактов злого умысла царского правительства по отношению к «иногородцам», мы не должны забывать и того факта, что все эти действия не противоречили господствующей практике и политическим правам того времени как в Старом, так и в Новом Свете. Например, проще всего сказать, что Украина была в 1654 г. насильно присоединена, захвачена, колонизована Россией. Как считает В. М. Сироткин, любому украинцу должно быть стыдно осознавать такую слабость своего народа. Мало сказать, что это было добровольное воссоединение народов, близких по истории и особенно вере. Очевидно, это было обусловлено близостью традиционно-бытового уклада, иных духовных ценностей. Это потребует кропотливой работы над различными источниками того времени. Конечно, царское правительство повинно в ликвидации автономных прав Украины XVII—XVIII вв. и разрушении традиций государственного устройства, в ликвидации Запорожской Сечи. Но ведь этому в известной мере способствовали и представители украинского народа, в лице ее знати, добиваясь личных экономических и политических привилегий. Бесспорно, на Украине проводилась политика русификации: при Петре I было запрещено издание на местном языке церковных книг, еще большие притеснения последовали по ряду указов 60—70-х годов XIX в. Однако не следует забывать, какой вклад внесли, например, русские ученые Российской академии для возрождения украинского языка и официального его признания в 1905 г. В. М. Сироткин призвал авторов серии подходить объективно к историческим фактам, тем самым внося свой посильный вклад в успокоение бушующих ныне страстей по поводу того, что составляет предмет наших научных интересов.

В ходе обсуждения общетеоретических проблем на заключительном этапе совещания В. А. Тишков предложил вниманию присутствующих свой доклад «Феномен „этничности“ и „национализма“ в советском академическом и политическом дискурсе». Идея нации, отметил докладчик, пришла в Россию сравнительно поздно и трудно приживалась даже среди крупных и развитых народов. Примечательно, что в ряде случаев из геополитических соображений именно царизм выступал инициатором периферийного национализма и конструирования национальных государств. Александр I, получивший по Тильзитскому миру 1808 г. бывшую шведскую провинцию Финляндию, предпринял серьезные шаги к созданию национального государства финнов. Среди российских либералов идея нации утверждается в ее западно-европейском (якобинском) варианте. Петр Струве, например, под нацией понимал не этническую общность русских, а согражданства россиян, т. е. российскую нацию. Именно такое понимание нации было преобладающим в мире с эпохи французской революции XVIII в. вплоть до национально-освободительных движений XX в. Как создатели национальных государств в Европе и Америке, так и лидеры антиколониальных движений в Азии и Африке никогда не ставили целью создавать государства по этническому принципу: «один народ (в этнокультурном смысле) — одно государство». Они были решительными противниками этнического сепаратизма и трайбализма.

Этническая общность, сказал докладчик, является важным элементом в жизнедеятельности государства, хотя не определяет ни сам факт его возникновения, ни внутренние принципы устройства. Общая культурная основа, в том числе язык, облегчает функционирование государственных институтов и общественных структур в целом. Но исторически сложившееся культурное многообразие народов и этническое самосознание, т. е. ощущение принадлежности к той или иной группе, никакими политическими границами (последние несут в историческом смысле случайный характер) определить и разграничить невозможно.

Человек использует этническую принадлежность как основу для солидарности и для коллективной мобилизации при достижении определенных общественных целей, обеспечивающих в условиях неравенства и состоятельности более благоприятные обстоятельства для жизнеобеспечения, доступа

к ресурсам, к власти и для личного успеха. Так возникает, по убеждению докладчика, этнический сепаратизм, который в современных условиях проявляет себя достаточно сильно, в том числе в развитых демократических обществах.

В демократических государствах, унитарных или федеративных, имеет место процесс выработки механизмов улаживания противоречий как через систему обычной представительной демократии, основанной на приоритете гражданских прав, так и на основе так называемой демократии согласия, т. е. принципов справедливого учета коллективных интересов, особенно интересов малых групп, сохраняющих и отстаивающих свою специфику и отличительность. Единство, цельность и сила государства с многокультурным составом населения, как считает В. А. Тишков, обеспечиваются прежде всего через создание и внедрение в общественную жизнь общегосударственных символов, ценностей и чувства общей Родины. Важное значение имеет установка граждан и государства на ценность культурных различий и плюрализма и на необходимость совместного проживания и сотрудничества в едином государстве граждан разного этнического происхождения.

Этнопационализм как политическая программа и ее стержень — идея этнической государственности, сказал выступающий, задолго до перестройки завоевали интеллектуальное и политическое пространство среди населения СССР. Лидеры нового национализма и его активисты, если их сравнивать с аналогичными силами в других странах мира, самые высокообразованные. Для политиков этничность часто служит разменной картой в большой геополитической игре или в индивидуальных устремлениях. В тех регионах, где национальная государственность существует не для одной, а двух (дуальных автономии Северного Кавказа) или даже нескольких групп (Дагестан), этничность нередко стала прикрытием кланово-мафиозных группировок. В специфических советских условиях этничность играет важную роль социальной терапии, лекарства от гигантской травмы, которая нанесена прошлыми режимами или нынешними репрессивными действиями Центра. Этничность была и еще долго будет в пространстве бывшего Союза для многих миллионов людей и целых народов средством вернуть утраченные или насильственно поправленные чувства достоинства и самоценности.

Вся эта функциональная, мифотворческая и социально-психологическая сторона национализма и конфликтующей этничности, отметил В. А. Тишков, остается почти незамеченной политиками и специалистами. Подходы и объяснения к этому явлению сохраняются по сути примитивно марксистскими.

Сейчас после распада Союза этнический национализм и лозунг о праве наций на самоопределение выглядят на первый взгляд триумфаторами. Но национализм так же нереализуем, как и коммунистическая идея. После Союза образовались не 15 национальных государств, а многоэтнические политические образования, которым предстоит делать исторический выбор, а именно вместо самоопределения этнонаций строить государства-нации.

Насколько реальны перспективы возникновения прочных согражданств в виде казахов, россиян или украинцев как многокультурных общностей, лояльных своему государству и готовых к созидательному общению, зависит от терпимости и дальновидности новых лидеров, гражданской зрелости населения и, конечно, от давно желаемого улучшения условий социального существования людей.

Для трансформации нынешних и потенциальных конфликтов в России в формы межэтнического сотрудничества и кооперации возможны, по мнению В. А. Тишкова, следующие меры по демонтажу этнонационализма и по развитию общероссийского согражданства. В сфере политической необходимо продолжать курс на расширение в высших органах власти представителей различных национальностей. В самих республиках желательно преодолеть политическую апатию граждан институциональных национальностей, особенно русских, и поддерживать их стремление (через демократические процедуры и политическую самоорганизацию) обеспечивать участие в местных органах власти и отстаивание своих интересов. В административных образованиях желательно способствовать политическому представительству лиц разных национальностей. Самоопределение должно трактоваться прежде всего как возможность участия всех групп населения в более широком политическом процессе. В законодательной практике и официальной риторике гораздо лучше отказаться от разъединяющих граждан категорий и понятий типа «нации и народности», «коренные нации» или «русскоязычное население», которые с точки зрения науки и реальной политики являются абсурдными и необъяснимыми.

Задача ученого-теоретика, завершил В. А. Тишков, — стоять в стороне от политики, познавать факты; при этом необходимо помнить, что предмет нашего исследования, наши реконструкции начинаются через какое-то время жить в умах людей.

По общему мнению участников совещания, написанием задуманного огромного этнографического труда ученые-этнографы должны выполнить свой долг перед народами — донести до людей те знания, которые помогут созданию культуры межэтнического общения.

Л. И. Миссопова

© 1992 г., ЭО, № 6

«ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ И ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

С 26 по 28 мая 1992 г. в Омске проходила Международная научно-практическая конференция «Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование». Первая из пяти секций конференции называлась «Традиционные культуры и этнология в индустриальных обществах» и объединяла этнографов, историков культуры и культурологов. Организаторами конференции выступили Министерство науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации, Научный совет Всероссийской комплексной научно-исследовательской программы «Народы России: возрождение и развитие», независимая международная неправительственная организация «Европа — Тихий океан — Интерконтинент», Российский независимый институт социальных и национальных проблем, Омский политехнический институт, Омский научный терминологический центр, Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук и Омская областная организация общества «Знание».

В рамках конференции были обсуждены проблемы развития традиционных культур в индустриальных и постиндустриальных обществах, роли этнологического образования в современную эпоху, фетишизации и секуляризации общественного сознания в индустриальном обществе, состояния и перспектив гуманизации и гуманитаризации технического образования, развития терминологической культуры как отражения единства процесса технизации и гуманизации образования. В последний день работы состоялся «круглый стол» «Религия и гражданское согласие», объединивший участников всех секций конференции. В работе конференции приняли участие более 200 ученых и около 100 работников системы образования (преподаватели вузов, средних специальных учебных заведений и школ, руководители Комитета науки и высшей школы, Комитета народного образования и Комитета культуры и искусства Омской областной администрации). Ученые приехали из 58 учреждений различных городов Англии, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, России, Украины и Германии. Среди них были представители большого круга гуманитарных, естественных и технических наук. На двух пленарных заседаниях, на секциях и «круглом столе» было заслушано 105 докладов и сообщений, по которым развернулись оживленные дискуссии. Конференцию открыл ректор Омского политехнического института проф. Н. С. Жилин. Приветственную речь от руководства Омской области произнес заместитель главы областной администрации проф. Л. А. Еловиков.

На пленарном заседании были заслушаны доклады А. К. Сухотина (Томск) «Гуманитарное знание в системе естественно-научной и инженерной подготовки специалистов», О. В. Пагодила (Фрайбург) «Традиция как определяющее понятие культуры», Н. А. Томилова (Омск) «Этнология в системе гуманитарного образования», В. В. Малахина (Омск) «Научно-техническая политика Российской Федерации и подготовка кадров для ее реализации», Н. С. Гордиенко (Санкт-Петербург) «Религиозное сознание как фактор гуманитаризации общества», А. И. Казанника (Омск) «Кризис технокологического сознания и правовые проблемы охраны природы», Л. Б. Ткачевой (Омск) «Пути формирования терминологической культуры».

Н. А. Томилов основное внимание уделил международному опыту исполнения этнологических знаний в системе образования, в решении экономических, политических, социальных и культурных проблем в разных странах Евразии, Америки и Африки, в разработке программ по удовлетворению национально-политических, национально-социальных и национально-культурных запросов населения в разных регионах земного шара. Далее он отметил, что в странах СНГ, и в